

Театр с ЗОЛОТОМ, война без ПОЗОТЫ

Ольга ФУКС
Фото предоставлены пресс-службой фестиваля

ДАВНО ПРОШЛО ТО ВРЕМЯ, КОГДА, ПОСЕЩАЯ ПО ТРИ СПЕКТАКЛЯ В ДЕНЬ, МОЖНО БЫЛО ПЕРЕСМОТРЕТЬ ПРАКТИЧЕСКИ ВСЮ «ЗОЛОТУЮ МАСКУ». СЕГОДНЯ ФЕСТИВАЛЬ НАПОМИНАЕТ СУМАСШЕДШИЙ КВЕСТ ДЛИНОЙ В НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ.

этом году афиша побилла все мыслимые рекорды по количеству выбранных спектаклей, и, как следствие, решения жюри вызвали много споров и горечи. Горечь вызывают имена не победивших, а оставшихся без награды. Например, Наталья Тенякова и Олег Табаков из «Юбилея ювелира» Константина Богомолова (см. МТ-инфо № 29) или грандиозный проект «Сверлийцы», оперный сериал на пять вечеров, написанный пятью современными композиторами (см. стр. XXX). Мы по традиции представим некоторых немосковских гостей фестиваля вне зависимости от наличия или отсутствия премии.

Немудрено, что у экспертов, колесящих по России целый год, разбежались глаза и они позвали на фестиваль столько разнообразных спектаклей, что он стал напоминать кипучий восточный базар: российский театр фонтанирует идеями, и тут уж без новых форм и бесстрашных проб не обойтись.

Чего только не увидели зрители нынешней «Маски»!

«Условно убитый»

«Сатъяграха»

Драматический спектакль, где публика обязана не отключать мобильные телефоны – с их помощью движется сюжет, а зрители становятся исполнителями («Город-герой», Санкт-Петербург).

Балет Дмитрия Шостаковича («Условно убитый»), в котором звучит аутентичная запись лекции о гражданской обороне и инструкция по применению противогаса, объединённый в один вечер с его неоконченной оперой-буфф «Оранго». Полные убийственного и смешного ретро-сарказма и с азартом исполненные командой Теодора Курентзиса из Перми, оба эти сочинения были недавно найдены в одной из папок в Музее имени Глинки и поставлены впервые.

Звучащая на санскрите опера о движении ненасильственного сопротивления («Сатъяграха», Екатеринбург) – ещё один уникальный проект для России: эту часть оперной трилогии культового композитора-минималиста Филипа Гласса ставили в мире лишь шесть раз. В ней медитативная череда повторяющихся мотивов подчас резко контрастирует с полными драматизма событиями, происходящими на сцене.

Театральная фантазия «Земля» (Санкт-Петербург) на тему одноимённого фильма Александра Довженко о борьбе кулаков и комсомольцев, снятого в тридцатые годы. Здесь спортивное состязание перерастает в смертельное противостояние, здесь уживаются упругий баскетбол, жёсткий бокс и оперное пение, спортивная форма и обнажённое незащитное тело, упражнение на кольцах и распятие, белизна футболок и грязь земли, грязь войны и, как следствие, грязь смерти, которой никто не может избежать.

«Алиса» из Красноярска и «Русалочка» из Екатеринбурга (неважно, кто попал в программу «Детский Weekend», а кто в основной конкурс – у обоих спектаклей была масса поклонников) – мастерский визуальный семейный театр с полётами и превращениями, ностальгией по миру детства у взрослых и тайными предчувствиями перед вступлением во взрослый мир у детей.

Жаркий от страсти, нежности, неприкаянности «Месяц в деревне» из Ярославля – триумф психологического театра с актёрскими работами самой тонкой выделки. Его ведёт опалённая страстью

Наталья Петровна (Анастасия Светлова), а венчает рыдающий Коленька (Илья Варанкин), на которого режиссёры, занятые любовной истомой двух соперниц, не так часто обращают внимание – в коллизии взрослых он потерял не просто наставника, а единственного равнодушного к нему человека.

«Черноликие»

Национальный колорит в «преданьях старины глубокой» в башкирских «Черноликих» (отмеченных «Золотой маской» за работу художника), где обстоятельства кажутся неправдоподобно архаичными (двух влюблённых оговорили из мести, опозорили, начернив им лица, доведя девушку до сумасшествия и гибели, а парня до отчаяния) – и пугающе актуальными: чёрное мракобесие, семейный раскол выглядит до боли знакомым.

Балет о создании периодической таблицы Менделеева (в исполнении замдиректора «Провинциальных танцев» Вячеслава Бобровича), которую, как известно, он увидел во сне («Мера тел», Екатеринбург) – с химическими реакциями, в которые вступают тела танцовщиков.

Слепоглухонемые актёры и их медийные партнёры в проекте «Прикасаемые» (во время фестиваля – Чулпан Хаматова и Дмитрий Брусникин). В его основу легли личные истории людей, постепенно погружающихся в полную темноту и тишину, – и столь дорогая им радость общения и вновь обрётённая возможность танца, бега и пр.

Спектакли, где зрительным залом становится зеркальный лабиринт и зрители, крутясь на стульях, ловят отражения артистов и складывают воедино несобираемый пазл сорокинского текста («Тел-

«Алиса»

«Месяц в деревне»

лурия», Санкт-Петербург) – или вся Москва, с эскалаторами метро, проходными дворами, монастырскими трапезными, центральными улицами и крышами магазинов («Remote Moscow»).

Спектакль, где главные роли играют шумовые аппараты для театра и кино, которые практически исчезли из нашей жизни с появлением магнитофонных записей («Звуковые ландшафты»).

И всё же основной сквозной темой нынешнего фестиваля стала война и её производные – концлагеря, блокада, ненависть. Программа «Маска плюс» была целиком посвящена этой теме.

«Remote Moscow»

Самой масштабной, спорной и сложно устроенной постановкой программы стала пятичасовая «Молодая гвардия» питерского театра «Мастерская» в постановке Максима Диденко и Дмитрия Егорова. Спектакль состоит из трёх частей – «Миф», «Документ» и «Жизнь».

«Миф», который начинается с речи Сталина, перерастающей в вой сирены, – почти что драмбалет с известными по школьной программе героями-мучениками и пафосом их великой жертвы. Между «Мифом» и «Документом»

возникает интерактивная интермедия, когда один из актёров напрямую обращается к залу с вопросом, что такое героизм сегодня (например, является ли героем лётчик из сбитого на границе с Сирией самолёта), обозначив опасную близость проклятых вопросов и спектакля на историческую тему.

«Документ» – самая важная часть спектакля – обращён к реальным молодогвардейцам и судьбе самого Фадеева. Юношеские дневники, первые стихи, первые влюблённости, порицания за плохое поведение переплетаются с хроникой войны, молодогвардейскими листовками, предсмертными письмами. История молодогвардейцев – это история «крестового похода детей», которых практически не поддержали даже собственные родители (а многие местные казаки и вовсе ждали Гитлера как избавления). Это история предательства родных. Мы видим, как меняются показания выжившей молодогвардейки Вали Борц, как мутируют требования восстановить справедливость брата погибшего Третьякевича, одного из лидеров «Молодой гвардии», объявленного предателем. Как, наконец, переписывается текст «вредного» романа и какой путь приводит писателя к самоубийству.

Короткий эпилог «Жизнь» превращён в видеозаписку по местам боевой славы «Молодой гвардии»: монументальные скульптуры молодогвардейцев, их нынешние сверстники, которые с трудом могут вспомнить разве что Олега Кошевого, окровавленные рубашки как музейные экспонаты и... недавно принесённые банкетки в подzemелье ровеньского музея, который сегодня используется как бомбоубежище.

Из программы «Маска плюс» тема войны перекочевала в основную про-

«Ваня»

грамму. Два кукольных спектакля, поделивших между собой «кукольные» награды, – «Ваня» и «Толстая тетрадь» – «детский» взгляд на то, что не под силу перенести и взрослым. Новая версия вечной сказки про третьего брата, Ивана-дурака, который отправился спасать старших братьев-предателей из драконова плена (вполне себе удобного и гламурного – никакой свободы не надо), играет на крыле поверженного самолёта, и поэтичность её финала только подчёркивает обречённость главного героя. Роман Аготы Кристоф написан от лица двух братьев-близнецов, подчинившихся логике войны: сначала они играют в солдатиков, а в финале убивают людей и пускают собственного отца по минному полю. Люди, куклы, тени самых разных размеров и «происхождения», точно сговорившись, показывают постепенное расчеловечивание самых человеческих существ – детей.

Юрий Бутусов, не устающий подчёркивать свою аполитичность, участвовал в фестивале с двумя спектаклями, где война, как радиация, определяла всё вокруг и на многие годы вперёд: московским «Бегом» (но мы договорились про гостей) и питерским спектаклем «Кабаре Брехт».

Спектакль, который можно считать практически идеальным пособием по брехтовской эстетике с концертным исполнением зонгов и ясной и яростной мыслью, а также рассказом о биографии и творческом пути самого Брехта, бьет током прямых аналогий. «Доказательство того, что мы не хотим войны, то, что мы воюем без объявления войны»; «Сегодня у нас в гостях глава государства. Какого – неважно. Иногда он появляется то в той, то в другой стране. Иногда в нескольких странах одновременно», – говорит Брехт, указывая на куклу с гитлеровскими усиками. Теледива, словно срисованная с нашей главной телеведущей (Анна Жмаева), отсылает нас к прямому репортажу о сожжении книг (так называется стихотворение Брехта):

*Один гонимый автор, один из самых лучших,
Штудирюя список сожжённых, внезапно
Ужаснулся, обнаружив, что его книги
Забыты. Он поспешил к письменному столу,
Окрылённый гневом, и написал письмо
власть и мушум.
«Сожгите меня!»*

«Кабаре Брехт»

Брехта играет фотографически похожий на него Сергей Волков (за эту роль он получил «Золотую маску»). Однажды он, как будто книжку, откладывает роль и говорит, что он не Брехт, а актёр призывного возраста, живущий во время, когда глава государства, который его никогда не видел, готовит войну с его участием: «Я лучше буду беженцем, чем «настоящим мужчиной». «Тебя надо расстрелять», – донёсся однажды женский выкрик из зала. Впрочем, гораздо чаще в этом месте раздаются аплодисменты.

«Толстая тетрадь»

Theatre with gold, war without gold plating

Ольга ФУКС
Фото предоставлены пресс-службой фестиваля

ДАВНО ПРОШЛО ТО ВРЕМЯ, КОГДА, ПОСЕЩАЯ ПО ТРИ СПЕКТАКЛЯ В ДЕНЬ, МОЖНО БЫЛО ПЕРЕСМОТРЕТЬ ПРАКТИЧЕСКИ ВСЮ «ЗОЛОТУЮ МАСКУ». СЕГОДНЯ ФЕСТИВАЛЬ НАПОМИНАЕТ СУМАСШЕДШИЙ КВЕСТ ДЛИНОЙ В НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ.

his year the playbill has broken all conceivable records in the number of selected productions. In keeping with tradition, we are presenting several festival guests from outside of Moscow regardless of whether or not they were awarded a prize.

The audiences at the current Golden Mask saw so many things!

A dramatic play where the audience is forced to not turn off their mobile devices – they help move the plot along and audience members become performers (“Hero City”, St Petersburg).

Dmitri Shostakovich’s ballet (“Hypothetically Murdered”), which contains an authentic recording of a lecture on civil defense and instructions on the use of a gas mask, combined into a single evening with his unfinished comic opera “Orango.” Both of these works, full of lethal and hilarious retro sarcasm and performed enthusiastically by Teodor Currentzis’ team out of Perm, were recently discovered in one of the folders in the

“Hypothetically Murdered”

“Earth”

Glinka Museum and were staged for the first time.

An opera in Sanskrit about the non-violent resistance movement (“Satyagraha”, Yekaterinburg) was yet another unique project for Russia: that part of the opera trilogy by cult minimalist composer Philip Glass was staged worldwide only six times. The meditative sequence of repeating themes in that opera is frequently placed in sharp contrast with dramatic events that take place on stage.

Theatre fantasy “Earth” (St Petersburg) based on an eponymous film by Alexander Dovzhenko about the conflict between the kulaks and members of the Komsomol, filmed in the 1930 s. A sporting competition here is transformed into a deadly standoff, springing basketball here is combined with tough boxing and opera singing, sports uniform with a naked defenseless body, a routine on the rings and a crucifixion, the white of jerseys and the dirt of the earth, the dirt of the war, and, by implication, the dirt of death that nobody can escape.

“Alisa” from Krasnoyarsk and “The Little Mermaid” from Yekaterinburg – a

masterful visual family theatre with flights and transformations, the adults’ nostalgia for the world of childhood and the kids’ secret apprehensions prior to entering the adult world.

Yaroslavl’s “A Month in the Country”, hot with passion, tenderness and despondency, is a triumph of psychological theatre with acting of the finest quality. It is led by the passion-scorched Natalya Petrovna (Anastasia Svetlova) and crowned with the weeping Kolenka (Ilya Varankin), to whom the directors, too busy with the

“The Little Mermaid”

amorous languor of the two female rivals, don’t pay attention all that frequently – in this conflict between the adults he lost not just his mentor but the only person who cared about him.

The ethnic flavor in “the legends of the past obscure” in Bashkir’s “The Blackfaced”, where the circumstances seem improbably archaic (two lovers are slandered out of revenge, shamed by having their faces blackened) and terrifyingly topical: black obscurantism, familial divide look painfully familiar.

Blind, deaf and mute actors and their media partners in the “The Touchables” project (during the festival those were Chulpan Khamatova and Dmitry Brusnikin). The basis of the project is formed by personal stories of people who are gradually sinking into complete darkness and silence, and of their oh-so-valuable joy of communication and their newfound ability to dance, run and so on and so forth.

Performances where a house of mirrors becomes an audience hall and audience members, spinning in their chairs, catch the actors’ reflections and put together the impossible to assemble puzzle of Sorokin’s text (“Telluria”, St Petersburg) – or the entire Moscow with metro escalators, communicating courtyards, refectories, main streets, and store rooftops (“Remote Moscow”).

A production where lead roles are played by noise makers for theatre and cinema that have virtually disappeared from our lives with the advent of tape recordings (“Sound Landscapes”).

The current festival’s key recurring theme is war and its bi-products – concentration camps, blockade, hatred. The Mask Plus program was completely dedicated to that theme.

The program’s most ambitious, controversial and complex production was St Petersburg Masterskaya Theatre’s five-hour-long “Young Guard” directed by Maxim Didenko and Dmitry Yegorov. The production is made up of three parts – “The Myth”, “The Document” and “Life.”

“The Blackfaced”

"Cabaret Brecht"

"The Myth" is virtually a dramatic ballet with hero martyrs known to us from our school years and the spirit of their great sacrifice. An interactive interlude takes places between "The Myth" and "The Document", when the audience is asked a direct question about what heroism means today (for instance, is the pilot of the airplane shot down over Syria a hero), marking a dangerous proximity of infernal questions and a play dealing with a historical subject.

"Telluria"

"The Document" is the production's most important part, and it deals with real-life young guardsmen and the fate of Fadeyev himself. The story of the young guardsmen is a story of "a children's crusade" that practically wasn't supported even by their own parents (and many of the local Cossacks were altogether waiting for Hitler as a deliverance). We see the way the statement of the surviving young guardswoman Valya Bortz was changing, the way the demands of the brother of the deceased Tretyakevich (one of the leaders of the "Young Guard" who was declared a traitor) to restore justice were mutating. And, ultimately, the way the text of the "harmful" novel was being rewritten and the path that led the writer to suicide.

The short epilogue "Life" is turned into a video tour of "The Young Guard" battlefields: monumental sculptures of young guardsmen, their peers of today, who can barely remember anyone except perhaps Oleg Koshevoy, bloodstained shirts as museum exhibits and... the banquettes recently brought into the basement of the Rovenky museum that is used today as a bomb shelter.

The war theme migrated from the Mask Plus program into the main program. Two puppet performances – "Vanya" and "The Notebook" – a "child's" look at something even the adults find it beyond their power to bear. The new version of the eternal fairytale about the third brother, Ivan the Fool ("Vanya"), who headed off to save his older traitor brothers from the dragon's clutches (captivity that's quite comfortable and glamorous – no need for any freedom), is acted out on the wing of a downed airplane and the poetry of its finale only serves to underline the main character's impending doom. Ágota Kristóf's novel ("The Notebook") was written on behalf of two twin brothers who surrendered to the logic of war: they start out by playing soldiers and in the finale they kill people and send their own father through a minefield. People, puppets and shadows of different sizes and "origins" seemingly conspire to show the gradual dehumanization of the most humane of creatures – children.

Yuri Butusov, who never tires of stressing his political indifference, participated in the festival with two

"The Touchables"

productions where war, like radiation, determined everything around it and for many years ahead: "Flight" from Moscow and "Cabaret Brecht" from St Petersburg.

The production, which can be considered a practically ideal manual on Brecht's aesthetics with concert performance of pop songs and a clear and furious thought, as well as the story of Brecht's own biography and artistic career, shocks with direct analogies. "That we don't want war is proved by the fact that we are fighting without declaring war"; "Today we have as our guest a head of state. It makes no difference which one. Sometimes he appears in one country, at other times – in another. Sometimes in several countries at once," says Brecht, pointing to a puppet with Hitler's mustache.

Brecht is played by the photographically similar Sergei Volkov. One day he puts the role aside like a book and says that he isn't Brecht but a conscription age actor, living in a time when a head of state he never met is preparing a war for him to take part in: "I would rather be a refugee than a 'real man'." "You should be shot," a woman shouted once from the audience. Admittedly, though, more often he gets applause at that point.

"The Young Guard"